

УДК 101

У. БЕК: РЕФЛЕКСИВНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА РИСКА

О.А. Тесленко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается теория рефлексивной модернизации У. Бека, ориентированная на анализ второй модерности в ее глобально-космополитическом измерении. Им анализируется установка эпистемологического космополитизма как адекватная реалиям глобального мира, чье становление было предопределено трансформацией индустриально-капитализма, породившего вторую рефлексивную модерность – общество риска.

***Ключевые слова:** модерность, рефлексивная модернизация, общество риска, возвращение политического, индивидуализация.*

В сочинениях У. Бека тема рефлексивной модернизации сочетается с пристальным анализом того типа общества, который отмечен существенным отличием от классических институциональных устоев и культуры Нового времени. Этот социальный мыслитель связывает радикальный поворот от классической модерности к ее второму новому этапу с имманентным развитием ее оснований, которое приводит к космополитическому объединению планетарного сообщества и обнаружению многообразных и непредсказуемых рисков. Рефлексивность при этом рисуется ему отличительным звеном, которое позволяет сформироваться социокультурной модели, именуемой им «второй модерностью». Уже само обращение Бека к проблеме космополитических начал модерности содержит мотив, прямо заставляющий вспомнить о наследии И. Канта, посмотреть на него в свете опыта современности. Однако кантовский по своим истокам сюжет приобретает в сочинениях Бека отнюдь не классический ракурс рассмотрения, ибо он далек от утверждения телеологического развертывания разумных начал в истории человечества, видения их предустановленного триумфа в космополитически-универсальном измерении. Как раз напротив: парадокс состоит в том, что глобально-космополитическое сообщество как производное от рефлексивности оказывается отнюдь не наполненным гармонией примирения противоречий, а полным постоянно умножающимися непредсказуемыми рисками. И происходит это, как демонстрирует своим читателям Бек, в силу соморазвертывания тех рациональных оснований, которые несла в себе первая модерность. Рефлексивная модернизация предполагает, в его понимании, новое видение политики как способа

осмысленного устройства совместного бытия людей на всех уровнях общественной жизни. Попытаемся рассмотреть базисные основания понимания Беком задач рефлексивной модернизации в глобально-космополитической панораме общества риска.

Специфика видения Беком задачи построения теории рефлексивной модернизации, способной служить цели социокультурного обновления современного планетарного сообщества, определяется трактовкой им ряда наиболее значимых тем. В первую очередь он обращается к анализу космополитической ситуации и востребованного ею типа сознания, характерных для эпохи глобализации. Бек предлагает в этой связи истолкование феномена космополитизма путем его последовательного рассмотрения как итога эволюции модерности. Не меньший интерес этого автора вызывает базовая характеристика второй космополитической модерности как общества риска. Следующая тема, подлежащая рассмотрению в этой связи, – индивидуально-личностная составляющая современного фазиса рефлексивной модернизации. Новое истолкование феномена политического в современном сообществе – итог размышлений немецкого автора над задачами рефлексивной теории модернизации.

Для многочисленных аналитиков теории рефлексивной модернизации Бека очевидно, что центром его размышлений является полемика с идеями Просвещения и одновременно желание представить современный фазис социокультурного развития как своеобразное порождение намеченного ими пути. Уже обращение к перспективе космополитического видения истории как востребованной современным фазисом эволюции общества и культуры содержит пафос кантовской убежденности в необходимости за массой деталей событийного свойства узреть общие судьбы человечества. Кантовский космополитизм – квинтэссенция его идеи видения всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Идея Канта предлагает некую смысловую перспективу собирания воедино пестрого соцветия событийно явленного и фактуально запечатленного в ракурсе поступательного совершенствования человечества, начал разума и морали. Очевидно, что при всей возможности избрания такой смысловой оптики толкования истории она сразу же вызывает у свидетеля современных процессов массу совершенно справедливых вопросов.

Прежде всего, возникает проблема совместимости подобной телеологической трактовки социокультурного развития с многоцветием реалий современной эпохи при всей их представимости в универсальном поле медийного воспроизведения. При возможности прямой телетрансляции актуально происходящего на целостность потенциальной зрительской аудитории в масштабах планеты космополитический универсализм вряд ли можно трактовать как простую иллюзию. Однако современный космополитизм нельзя мыслить в телеологическом ключе, ибо он не совместим с очевидной открытостью происходящего собы-

тию, отнюдь не побуждающему к идее замкнутой устремленности происходящего к намеченной кантовским видением перфекционистской цели. Да и многоцветие современного панорамного универалистски-космополитического видения не укладывается в европоцентристский идеал в его кантовской редакции. Для Канта именно европейский опыт по созданию гражданского общества как выражающего стремление к высотам практического и теоретического разума должен был стать всеобщим достоянием иных народов без скидки на их культурное своеобразие. Однако совершенно очевидно, что такого однозначного воспроизведения стереотипов европейских ценностей, мысли и действия в контекстах несхожих культур вряд ли можно сегодня ожидать. Отсюда и общая установка Бека на пересмотр традиционного понимания космополитической трактовки истории. Новый абрис космополитически-глобального мира должен, сообразно с его представлениями, родиться не чисто умозрительно, а стать итогом ретроспективного осмысления пути становления модерности.

Бек отнюдь не настроен скрывать, что своеобразная генеалогия современной космополитической ситуации диктуется в его прочтении теми реальными сдвигами, которые не могут уйти от взгляда внимательного свидетеля эпохи. Крушение мировой коммунистической системы и конец ее конфронтации с капитализмом западного образца не оказались финалом мировой истории. «Запад сталкивается с вопросами, которые бросают вызов фундаментальным предпосылкам его собственной социальной и политической системы. Ключевым вопросом, стоящим перед нами сегодня, является возможность воспроизведения в глобальном масштабе исторического симбиоза между капитализмом и демократией, который характеризовал Запад, без утраты его физических, культурных и социальных оснований» [5, р. 2]. Плюрализм культур и социальных обстоятельств, в которых оказывается глобальный мир после окончания холодной войны, как справедливо полагает Бек, отнюдь не снимает вопроса о судьбах индустриальной цивилизации, возможности освоения модернизационной модели, рожденной на Западе, в стремительно обретающем все новые и новые черты единства и взаимозависимости в планетарном сообществе.

Бек говорит о том, что новый космополитический реализм буквально «витают в воздухе». Но вместе с тем, как он полагает, тот космополитический реализм, который утвердился в европейском сознании по крайней мере со времени эпохи Канта, был представлен в идеалистической оболочке, в известной мере препятствующей здравому изучению социальной жизни. И именно поэтому он предлагает для реалистического видения «порядка вещей» очистить стратегию космополитического анализа от всего наносного и, выражаясь словами В. Беньямина, подвергнуть «спасительной критике» [1, с. 13]. Само понимание космополитического видения Бек намеренно не отождествляет с «идеалистиче-

ски-элитным» подходом, который, по его справедливому замечанию, зачастую служит идеологическим имперским амбициям, принадлежащим транснациональным организациям и возглавляющим их элитам. В этой связи Бек характеризует собственную космополитическую эмпирико-эпистемологическую стратегию анализа современных исторических реалий как отличную от философского видения, утвердившегося в мысли Нового времени. «Фокусировка на аналитически-эмпирическом космополитизме, на демонстрации эпистемологической необходимости космополитического видения в мире без границ создает новое поле исследований и противоречия, присущих космополитической реальности начала 21-го столетия. Это требует от нас не только развития новых категорий, но и ревизии грамматики социального и политического. Вызов состоит в создании нового синтаксиса – синтаксиса космополитической реальности» [4, р. 18]. Рассуждая таким образом, немецкий автор предлагает создание новой концептуальной стратегии соотнесения многоуровневых реалий современного стремительно объединяющегося мира. Весь категориальный аппарат теории рефлексивной модернизации предполагает, стало быть, стратегию видения реальности, которая предложит новое понимание тех явлений, которые традиционно приковывали внимание социальных мыслителей, через выявление нетрадиционной конфигурации, «синтаксиса» их соотнесения.

Космополитический реализм как эпистемологическая стратегия, лежащая в основе теории рефлексивной модернизации, в целом предполагает радикальное смещение акцентов в изучении панорамы социальной жизни с рассмотрения таковой как имеющей своим локусом отдельные национальные государства к транснациональной перспективе. Последняя означает, что любой социальный феномен, институт, подсистема национально-государственных целостностей, национальное государство могут быть поняты в наши дни как обретающие смысловое содержание только в транснациональном контексте единого мира. Такого рода взгляд меняет само содержание феноменов социального и политического. «В начале третьего тысячелетия, – рассуждает Бек, – основной принцип национальной реальной политики: “национальные интересы достигаются в национальных границах” – следует заменить принципом космополитической реальной политики: “наша политика тем национальнее и успешнее, чем она космополитичнее”» [1, с. 13]. Говоря о космополитизме как отличной от философско-онтологической эмпирико-эпистемологической стратегии, Бек вряд ли правомерно жестко противопоставляет их. Дело в том, что его эпистемологический космополитизм достаточно жестко опирается на определенные онтологические допущения относительно специфики конституирования социальной реальности через осмысленную деятельность человека, социальные практики. Само движение от традиционного общества к классической и «второй» модерности предполагает подобного рода допущения, ведущие в финальной инстанции и к космополитиче-

ской эпистемологической стратегии. Об этом говорит сам строй рассуждений Бека о логике рождения второй модерности, требующей и особого «синтаксиса» постижения.

Хотя Бек и говорит о методологическом характере космополитической стратегии, он бесспорно прибегает к ее фундированию со стороны представлений об имманентной логике развития модерности на Западе. «“Рефлексивная модернизация”, – констатирует он, – означает возможность творческого самоуничтожения целой эпохи – эпохи индустриального капитализма» [5, р. 3]. Сообразно с логикой немецкого теоретика, современное состояние мира – итог не революции или кризиса, а поступательного развития и победы западной модернизации. При этом Бек одобрительно ссылается на «Манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, где констатируется, что буржуазия не может существовать без постоянного совершенствования орудий производства, отношений в сфере такового, стало быть, и всех социальных связей. Ее деятельность порождает общественный динамизм, но в отличие от Маркса Бек не склонен видеть в капитализме собственного «могильщика», а, напротив, строй, который в своем победном шествии порождает новую социальную форму [5, р. 3]. Вторая модерность, стало быть, выглядит своеобразным итогом первой модерности или индустриальной цивилизации. Если первая модерность вытеснила социальные формы традиционализма, заменив их индустриальными, то рефлексивная модернизация приходит к внедрению радикально новых форм, которые прежде не существовали. Внутренний динамизм общества модерности подрубают корни присущих ему способов технологического развития, классообразования, основных страт, профессиональной структуры, конфигурации гендерных ролей, нукlearной семьи, организации производственного процесса, бизнеса и т. д. Именно так, по мысли Бека, происходит радикализация модерности и рождается ее рефлексивный вариант, вызывающий к стратегии космополитического мышления. Такой взгляд на природу современности видится ему противостоящим одновременно как классическим марксистским, так и функционалистским представлениям, противоречащим стереотипам самопонимания, бытующим в демократиях западного типа.

Космополитическая эпистемология ориентирует исследователя, сообразно с пониманием Бека, на отход от национально-государственной центрированности. Поводом для произведения такого рода перестановки акцентов становится прежде всего осознание транснационального характера экономики современности. Бек полагает, что экономическая глобализация не может оцениваться как несущая однозначно позитивную перспективу, ибо транснациональный капитал, обладая особым ресурсным и властным потенциалом, приводит к распаду союза «между рыночной экономикой, социальным государством и демократией, который до сих спланивал и узаконивал национально-государственный проект модерна» [3, с. 21–22]. Подобно Хабермасу,

Бек достаточно справедливо оценивает значимость властных полномочий транснационального капитала для уменьшения возможностей национального государства. Транснациональный капитал ставит под сомнение возможность осуществления идеала государства всеобщего благоденствия, демонстрируя автономию своих интересов и властных потенций. Международные корпорации «становятся приватными транснациональными квазигосударствами без демократической и политической легитимации» [1, с. 202]. Они обладают способностью создания своеобразных «гильдий глобальной эпохи» – транснациональных кооперативов правительств. Одновременно не следует забывать, что, хотя транснациональные корпорации и их альянсы обретают возможность самолегитимации в международном глобально-космополитическом сообществе, национальные государства, локализованные в пространстве, могут также заставлять их считаться со своими интересами, особенно, если они сплачиваются в определенные союзы, используя имеющиеся у них правовые возможности.

Всевластие транснационального квазигосударства, по Беку, имеет свои лимиты по ряду причин. Во-первых, им недостает политической и демократической легитимации. Во-вторых, их деятельность выстроена по критериям экономической оптимизации затрат и в силу этого обстоятельства приходит в противоречие с конкретными социальными задачами, которые необходимо решать в национально-государственных границах.

Космополитизация социальной жизни заставляет, согласно справедливому замечанию Бека, существенно меняться и национальные государства. Национальное государство сегодня, по его мнению, не должно мыслиться как обладающее абсолютной автономией по отношению к иным государственным образованиям. В современном мире сила государства и реализации его национальных интересов парадоксальным образом требует всестороннего учета интересов партнеров, использования согласованности с ними путем консенсуса. Именно в таком варианте государство может продемонстрировать способность обнаружения необходимого ему как политическому макротелу курса в согласии с иными государствами-партнерами. Внешняя и внутренняя политика оказываются нерасторжимым образом взаимосвязанными и конвертируемыми. Бек весьма содержательно раскрывает эту важную черту современной национально-государственной политики, требующей во имя реализации собственных интересов вхождения в альянсы со значимыми международными политическими сообществами. В едином глобальном мире изоляционизм становится признаком не силы, а слабости национально-государственной политики.

Формулируемая Беком платформа «космополитизации» деятельности национальных государств на международной арене отнюдь не означает его поклонения неолиберальному прочтению задач политики и его воплощению на практике. Он в достаточно критических тонах ха-

рактирует политико-экономические теории как неолиберализма, так и национализма применительно к задачам национально-государственной политики. Им подчеркивается ложность альтернативы «неолиберальных стратегий дерегулирования и национальных или неонационалистических стратегий интервенций и протекционизма» [1, р. 229]. Обе эти платформы видятся Беку губительными для экономического и политического развития глобального сообщества, противореча эпистемологической установке космополитического мышления.

Неолиберализм рассматривается им как стратегия, которая полностью редуцирует политику государства к осуществлению цели обеспечения экономической свободы и процветания мирового капиталистического хозяйства. В подобном варианте, по сути дела, не может быть и речи об автономии политики и осознании ее специфических целей. Бек, верный собственной изначально критико-рефлексивной установке, констатирует, что в конце 70-х гг. XX столетия складывается неолиберальный консенсус между государствами и организациями, решения которых чрезвычайно важны для мировой экономики как целого. К их числу относятся США и группа лидирующих экономически стран Запада, МВФ, Всемирный банк и ряд других значимых институтов. Подобного рода консенсус вырабатывает для национально-государственных объединений требования соблюдения политической и всемирно-экономической свободы. Перестройка политических институтов в ключе подобной прагматики требует признания как всеобщего блага властного преобладания всемирных экономических акторов. Одновременно экономическая рациональность, по сути, поглощает политическую рациональность. Неолиберализм не может принять политического, социального и культурного многообразия современного глобального мира. Ему чужд диалогический взгляд на социокультурные процессы. К еще более серьезным трудностям ведут и установки национальной автаркии, изоляционизма, которые также превратно толкуют способ взаимосвязи экономики и политики. Здесь во внимание вовсе не принимается реальное единство глобального мира и его частей, многообразие в единстве.

Обретая космополитическую ориентацию, национальное государство представляется Беку постоянно ищущим легитимную опору собственных действий как внутри себя, так и собственно за своими пределами. Внутренняя легитимация принимаемых в его рамках решений может осуществляться путем демократической процедуры, но, коль скоро государство следует в своей политике стратегии согласования собственных интересов с индивидуальными и коллективно-блоковыми партнерами, ему необходимо обращаться и к иному типу обоснования своих решений. Зачастую речь, конечно же, идет о конвенционально принимаемых международных правовых актах, соглашениях тех или иных государственных альянсах, способных принимать, подобно Евро-союзу, форму наднационального или транснационального государства.

В этом случае легитимация не несет в себе того, что традиционно полагается в качестве демократического способа обоснования принимаемой государственной стратегии.

Бек, осознавая всю теоретическую и практическую сложность подобной ситуации, справедливо констатирует, что при подобных обстоятельствах складывается дефицит демократической легитимности стратегий космополитически ориентированных государств. «Демонтаж демократии и претензия на демократию растут и противоречат друг другу все более открыто, усиливают и ускоряют упадок легитимности господства» [1, с. 316]. Альянсы государств, членами которых могут быть те или иные национальные государства, могут принимать консолидированные решения во всех областях, которым должны следовать все участники подобного союза. Это может касаться как частных, так и определения отношения к иным странам, способным восприниматься как потенциальные союзники, достойные сотрудничества, или же как достойные санкций дискриминационного толка «государства-изгои». Сложные стратегические решения не требуют при таком развороте дел демократической легитимации.

В подобной перспективе, как полагает Бек, восполнение дефицита демократической легитимации возможно только при содействии международного гражданского общества. «Неправительственные организации, возможно, способны осваивать новые платья, новые источники легитимности у новых королей концернов: ведь экономика порождает глобальные побочные последствия, которые подвергают опасности основы жизни человечества и основы легитимности “автономных” решений капитала. В этом смысле адвокатские движения глобального гражданского общества суть защитники, творцы и судьи глобальных ценностей и норм» [1, с. 317]. Правозащитные движения глобального гражданского общества предстают в понимании Бека способными эффективно дебатировать локальные и общезначимые в масштабах планеты задачи, проблематизируя ценности и нормы, направляемые ими способности человеческой жизнедеятельности. Он справедливо говорит о резонансном характере многих их акций, способных влиять на политику в различных ее формах и проявлениях. Деятельность глобального гражданского общества требует детального анализа, и Бек, подмечая его значимость, отнюдь не притязает на детальную проработку этого сюжета. Однако судьбы такового в период, именуемый им «другой модерностью», несомненно заслуживают детальной типологической проработки.

Характеристика космополитической панорамы второй или рефлексивной модерности составляет пролог к ее рассмотрению Бекем как глобального общества риска. Космополитический реализм представляется ему отнюдь не несущим в себе безоблачно оптимистические перспективы рефлексивной модернизации. Глобальный мир оказывается воспро-

изводящим рискованные ситуации в расширенном масштабе, несмотря на рефлексивные усилия людей, стремящихся к их минимизации.

Глобальный мир второй модерности, по Беку, существенным образом отличается от предшествующего фазиса развития общества своей наполненностью во многом неконтролируемыми рисками, затрагивающими всех жителей планеты. Он приходит к выводу о том, что в «развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков» [2, с. 21]. Таким образом оказывается, что риски, продуцируемые лидерами мирового развития на базе внедрения в жизнь научно-технологических разработок, становятся всеобщим достоянием, усугубляя проблемы менее продвинутых или же отсталых стран, преодолеваемых борьбой с бедностью. Становление общества риска – итог модернизационного процесса, понимаемого Беком предельно широко как итог технологической рационализации всех сторон человеческой жизни от организации труда до социальных институтов разного уровня и стилей существования личности. В развитых странах Запада удалось существенным образом ограничить материальную нужду, но сделано это было на базе расширенного использования достижений науки и технологии, имеющего в качестве своего побочного эффекта умножения рисков, которые приобрели планетарный размах.

Понимание «индустриального или классового» общества, разработанное в теоретических построениях К. Маркса и М. Вебера, имевшее своей центральной проблемой неравномерное распределение богатства, сталкивается, таким образом, с иной парадигмой осмысления социальных проблем в перспективе продуцирования и ограниченного контроля рискованных ситуаций, возникших на витке второй модерности. Сама по себе эта парадигма мысли рождается, как полагает Бек, благодаря объективному, не обусловленному чьими-либо желаниями и столь же незаметному, как и необходимому, развитию основополагающих процессов классической модерности. Она лишь рефлексивно запечатлевает произошедшее то, что нельзя предпочесть или же отвергнуть.

В логике Бека получается, что рефлексивность (*reflexivity*) как базисная характеристика второй модерности, общества риска рождается ненамеренно и в этом противоположна рефлексии (*reflection*). Продолжая свои размышления, он пишет: «Тогда “рефлексивная модернизация” означает самоконфронтацию с эффектами общества риска, которые не могут рассматриваться и ассимилироваться в системе индустриального общества как измеряемые его институализированными стандартами» [5, р. 6]. Конечно же, можно говорить о востребованности рефлексивности как детерминированной необходимостью осмысления опасности для человека созданных им же продуктов, возникающей в определенную эпоху, но при этом не следует забывать, что рефлексия есть основание таковой и присутствовала в профессиональном дискурсе о специфике социального со времени рождения европейской философии

фии. В эпоху первой модерности рефлексия становится ориентированной на «публичное применение разума» (И. Кант) с целью ответственного отношения к социальным обстоятельствам общественной жизни. Пробуждение рефлексивности в ее понимании Беком как измерения сознания общества риска в целом происходит конечно же из предыдущего опыта применения рефлексии для решения социальных проблем классического модерна. Постклассическая философия с ее интересом к субъект-субъектным отношениям стимулировала климат рефлексивного анализа внутренних проблем модернизационного изменения общества и культуры, продуцируемых ими в глобальном контексте рисков. Рефлексивная теория модернизации – итог произошедшего поворота.

Вторая рефлексивная модернизация, как представляется Беку, проблематизирует отношение человека к миру во многих отношениях. Во-первых, существенно изменяется отношение человека к природе и культуре в целом. Во-вторых, само общество начинает рассматриваться как постоянно производящее проблемы, которые не укладываются в существующие каноны безопасности. В силу этого обстоятельства основополагающие социальные конвенции, задающие общественный порядок, начинают рассматриваться как подвергаемые ими опасности. В-третьих, подвергаются своеобразной инфляции коллективно значимые представления, являющиеся носителями основополагающих для сообществ смысловых образов реальности [5, р. 7]. Так происходит с классовым сознанием или верой в поступательный прогресс общества, характерными для первой модерности. Крушение подобного рода смысловой арматуры сознания продуцирует своеобразный вакуум смыслов и ведет, по мысли Бека, к постоянно нарастающей индивидуализации, побуждающей личность выбирать собственную идентичность в турбулентной атмосфере общества риска.

Общество риска, по Беку, предполагает обращение к феномену неточности, которая всегда присутствует в человеческой деятельности и подлечит своеобразному «обузданию» в границах присущей человеку рациональности.

«В обществе риска, – замечает он, – признание непредсказуемости опасностей, провоцируемых технико-индустриальным развитием, обуславливает саморефлексию относительно оснований социального единства и изучение превалирующих конвенций и оснований “рациональности”» [5, р. 8]. Становясь проблемой для себя, общество такого типа пытается ввести риск в определенные рациональные границы.

Делая риск центральной категорией рассмотрения общественной жизни, рефлексивная социальная теория оказывается в определенной оппозиции к построениям М. Вебера, для которого ее основу составляет целерациональное действие. И все же такого рода противоречие между риском и целерациональным действием отнюдь не является абсолютным. Это обстоятельство не уходит от внимания Бека. «Риски бесконеч-

но воспроизводимы, поскольку они воспроизводят себя в соответствии с решениями и точками зрения, благодаря которым можно и должно оценивать решения в плюралистическом обществе» [5, р. 9]. В самом деле: риск как таковой является характеристикой действия. Действие может быть рискованным, т. е. быть устремленным к результату, который выглядит нежелательным и по возможности не должен реализоваться в силу его предполагаемой антиценности, вредоносности и т. д. Риск характеризуется в познавательной, ценностной и нормативной перспективах (нормативность ценностно фундирована и предполагает границы допустимого). Целерациональное действие может быть заведомо устремленным к нежелательной цели, прибегать к средствам, порождающим таящий угрозу эффект. Или же опасными будут его непредвиденные побочные результаты в силу комплексности условий осуществления, конкретной ситуативности, вторгающимся в нее событиям. Рациональность в ее конкретных формах никогда не может полностью исключить иррационально-непредсказуемого, выступающего в облики рисков. И, конечно, целерациональное действие, организованные по этой модели коллективные практики, имеющие глобальный резонанс в варьирующихся контекстах, вполне могут таить в результате множественные риски.

Бек выступает с критикой научно-технологической рациональности, абсолютизация значения которой является, на его взгляд, постоянным источником рисков. По сути дела наиболее рационально выверенные в научно-техническом смысле целерациональные решения оказываются зачастую таящими наибольшие риски. Подчас в его работах звучит критика научно-технической рациональности, выдержанная в откровенно антисциентистском духе: «Наука стала ревнительницей охватившего весь мир заражения человека и природы. Поэтому не будет преувеличением сказать, что своим отношением к цивилизационным рискам наука во многих отраслях знания пока что утратила свое историческое право на рациональность» [2, с. 85]. В приведенной оценке научной рациональности Бек воспроизводит критические тезисы, адресованные науке многочисленными антисциентистскими доктринами от экзистенциальной мысли до леворадикальной версии неомарксизма. Конечно, научно-техническая рациональность довольно часто находится в альянсе с экономической и политической рациональностью, несет в себе потенциальные риски для общества и человека. Однако это отнюдь не означает, что она утрачивает историческое право рационального обоснования человеческой деятельности. Без научного анализа, технико-технологической экспертизы риски современности могли бы многократно умножиться. Разумеется, для решений стратегического толка необходима и этико-гуманистическая экспертиза, выясняющая их значение для человека. Однако она вполне может находиться в отношении взаимосвязи с научной экспертизой.

Общество риска, как справедливо представляется немецкому теоретику, умножает угрозы человеческому существованию, производит новые лики отчуждения личности. Прежде всего, глобальное воздействие научно-технического разума на природу может нести в себе катастрофические последствия, которые сложно предугадать. «Таким образом, – констатирует Бек, – возникает глубокое, систематически обостряющееся противоречие между желанием получить прибыль и интересами собственности, которые двигают процесс индустриализации, с одной стороны, и многообразными грозными последствиями этого процесса, наносящими ущерб прибыли и собственности, не говоря уже об ущербе самой жизни» [2, с. 46]. Логика современной ситуации сводится к тому, что желание получить прибыль невзирая ни на что вполне классически модерное, если следовать концептуальной канве немецкого автора, приводит в глобальном контексте к последствиям, угрожающим всем, в том числе и самим предпринимателям, сообразно с ситуацией второй модерности. Сегодня остро осознается принадлежность человека природе не только в ее внешней ипостаси, но и вследствие его телесности. Конечно, рассуждает Бек, высокий доход может дать шанс потребления более качественных продуктов питания, но нельзя при любом социальном статусе гарантированно уберечься от того, что происходит с экологическим окружением человека в целом. Люди все более и более, благодаря разнородным рискам, оказываются в плену экологического, научно-технологического, экономического, социального, политического, военного, культурного отчуждения.

Если первая модерность, как представляется Беку, в ее имманентном развитии ориентирована нуждой и присвоением благ, то вторая модерность мотивирована страхом перед открывающимися рисками. «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: “Я хочу есть!” Движущая сила общества риска выражается фразой: “Я боюсь!” Место общества нужды занимает общество страха» [2, с. 60]. Таким образом, Бек, подобно Гидденсу и Лэшу, включает собственные конструкции относительно второй модерности как общества риска в перспективу антропологического обоснования. Состояние страха заставляет обитателей современного мира стремиться к обретению безопасности путем снятия рисков. Страх рисуется Беком как экзистенциальное состояние, способное сплотить человеческие общности, но одновременно он готов признать, что это состояние отнюдь не всегда обеспечивает стабильность социальных альянсов.

Страх как антропологическая константа заставляет смотреть на совокупную деятельность человечества как потенциально враждебную себе. В этой связи Бек предлагает вспомнить наследие Т. Гоббса, усматривавшего, как известно, в изначальной человеческой агрессивности, враждебности людей друг другу и одновременно страхе перед ее разрушительным эффектом источник заключения общественного договора.

«Политическая теория суверенитета Томаса Гоббса зиждется на формуле “*homo homini lupus est*” (“человек человеку волк”). Политическая теория общества риска исходит, в противоположность этому, из несколько иного принципа: “человечество человеку волк”. Характеристика хищника, о котором говорит Гоббс, атрибутируется не отдельно человеку, но человечеству. Человечество есть объект и субъект угрозы самому себе» [1, с. 334]. Глобальные риски, питаемые страхом, по мысли Бека, легитимизируют коллективный консенсус по поводу необходимых действий, сопряженных с их устранением. В данной связи он ссылается на идеи Ф.В. Шарпфа относительно того, что узость подхода к глобальным рискам преодолевается именно путем коллективного консенсуса и базирующихся на нем действий. Однако при подобного рода подходе остается масса теоретических и практических проблем.

Прежде всего, как это отчетливо осознает и сам Бек, взламывая национальную замкнутость, этот подход заменяет демократически легитимированный национальный консенсус по той или иной проблеме консенсусом интернациональным, но не базирующимся на демократическом выборе и даже не несущим в себе возможность такового [1, с. 335]. В этой связи не трудно заметить, что опознание глобальной опасности ведется в границах определенных, принимаемых тех или иным сообществом, категориальных и ценностно-нормативных представлений, которые несут на себе печать определенной культурной традиции и подлежат критико-рефлексивному анализу. Очевидно, что альянс носителей представлений о глобальных рисках от лица человечества формулирует собственную социокультурно и властно окрашенную позицию. Поэтому есть резон постоянно внимательно отслеживать это обстоятельство: не исключено, что определенный альянс может под лозунгом борьбы с «всемирным злом» решать своекорыстные проблемы, изгоняя соперников-конкурентов с экономической или политической сцены. Итоги борьбы с рисками во имя обеспечения всеобщей безопасности обнаруживаются отнюдь не сразу, да и неэффективность той или иной стратегии в этом плане иной раз требует широкой медийной и социальной поддержки, предполагающей разноуровневые властные ресурсы.

В любом случае осознание особенностей жизни в глобальном обществе риска обостряет необходимость рефлексивного постижения идущих в нем процессов, что, как не без основания представляется Беку, влечет за собой два следствия: индивидуализацию общественной жизни и возрождение ее политического измерения.

Рефлексивная модернизация связана с индивидуализацией, которая означает, по Беку, «замену способов жизни индустриального общества новыми, в русле которых индивиды должны продуцировать, воплощать и созидать совместно сами собственные биографии» [5, р. 13]. В подобном варианте, констатирует он, ссылаясь также на мнение Э. Гидденса, индивидуализация является процессом, который стартует в

индустриальном «обществе благоденствия», начиная с 60-х гг. минувшего столетия. В классическом индустриальном обществе коллективные способы жизни во многом напоминали русскую матрёшку: классовое деление общества предполагало нуклеарную семью с ее сексуальными ролями, что в свою очередь означало разделение труда между мужчиной и женщиной, а также институт брака. В новой ситуации второй модерности эти традиционные для ее классического варианта способы жизни радикально трансформируются, ибо индивид становится в одном лице актером и режиссером своей собственной биографии, социальной самоидентичности и рефлексивной личностной самоидентичности. «Индивидуализация и глобализация – по сути две стороны одного процесса рефлексивной модернизации» [5, р. 14]. Индивидуализация в сложившихся условиях «государства благоденствия» выглядит, по Беку, социально обязательным процессом, ибо личность в сложившейся ситуации должна самостоятельно конструировать собственный личностный образ и жизненный путь, обретая в этом процессе связи и обязательства. Как и всюду в обществе риска западного типа, это предполагает выбор во всех сферах, где реализует себя личность, а следовательно, связано с ее предпочтениями и рисками. Для западного «общества благоденствия» значительную проблему, как полагает сам Бек, является поиск коллективно значимого общего блага, так как оно эгоцентрично по своим условиям.

Положительным моментом второй рефлексивной модерности оказывается возвращение личности в сферу политики. Ведь постоянное экспериментирование с собой одновременно является проектированием и властным обустройством всех уровней общественной жизни, на которых пребывает индивид от сферы его частного существования до государственной макрополитики. Бек полагает, что в современных условиях институты становятся зависимыми от индивидов и их совместных практик, суб-политика, национальная и глобальная политика обретают единство [5, р. 16]. Получается, что рост благосостояния общества западного типа породил процесс индивидуализации, а он, в свою очередь, оказался своеобразным спусковым крючком политической активности во всех сферах общественной жизни, локальной и глобальной.

Возрождение политического означает в принципе осознание той роли, которая принадлежит совместным усилиям людей по преобразованию социального мироустройства. В определенном смысле такой взгляд на политику означает возвращение ее античного понимания, ярко запечатленного Аристотелем. Нередуцируемость политики к экономике, согласно Беку, постоянно подчеркивавшему свои расхождения с неолиберальной политической экономией, ярко выявляется в период глобализации, второй рефлексивной модерности, когда становится очевидным, что властный компонент отнюдь не сводится к обеспечению эффективного функционирования хозяйственного механизма националь-

ной экономики. Кроме того, и здесь идеи Бека вполне созвучны построениям М. Фуко, власть сопряжена не только с государственным механизмом, но и присутствует во всех сегментах общественной жизни в ее локальном и глобально-космополитическом измерениях [5, p. 18]. Политическое воспринимается Беком в тройной оптике видения субполитики локальности, национально-государственного и космополитически-глобального. Локальные политические события в глобальном мире могут иметь не только национальный, но и глобальный резонанс. И, наоборот, взаимосвязи, властные конstellляции транснациональных корпораций, национальных государств, их альянсов, международных организаций влияют на происходящее в локальных сегментах современного мира.

Теория рефлексивной модернизации, предложенная У. Беком, ориентирована на анализ второй модерности в ее глобально-космополитическом измерении. Установка эпистемологического космополитизма рассматривается им как адекватная реалиям глобального мира, чье становление было предопределено трансформацией индустриального капитализма, породившего вторую рефлексивную модерность. Методологическая стратегия Бека выглядит во многом оправданной, ибо позволяет рассмотреть конфигурацию противоречивых взаимосвязей транснациональных корпораций, национальных государств, межгосударственных альянсов, международных организаций и сил транснационального гражданского общества в перспективе глобального мира, подвергающегося постоянным рефлексивно-модернизационным изменениям, которые затрагивают страны разного уровня социально-экономического, политического и культурного развития. Не принимая неолиберальной установки в понимании взаимосвязи экономики и политики, Бек подчеркивает критико-рефлексивный потенциал собственной платформы, позволяющей продемонстрировать необходимость поддержания слабеющих демократических начал легитимации принимаемых в международном масштабе решений.

Говоря о рефлексивной модерности как обществе глобального риска, Бек очерчивает поле проблем, заслуживающих более подробного анализа. Среди них прежде всего вопросы связанные с соотношением научно-технической и гуманистической рациональностью в рефлексивной модернизации, предлагаемая им критика различных типов отчуждения, политического диктата транснациональных монополий и наднациональных политических союзов стран-лидеров современности, растущей поляризации богатства и бедности в мировом сообществе и т. д. Заслуживает внимания и намечаемая им тематика индивидуализации общественной жизни ренессанса политического в процессе рефлексивной модернизации, хотя эти тенденции анализируются им лишь на материале индустриально лидирующих стран и не выявляется в должной мере их резонансная значимость для мирового сообщества как целого.

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 460 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
4. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 200 p.
5. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Stanford: Stanford University Press, 1994. 225 p.

U. BECK: REFLEXIVE MODERNIZATION AND THE EMERGENCE OF GLOBAL RISK SOCIETY

O.A. Teslenko

Tver State University, Tver

The article is aimed at the study of U. Beck's theory of reflexive modernization revealing the foundations of the second modernity in its global-cosmopolitan dimension. The platform of epistemological cosmopolitanism developed by this author is analyzed as adequate to the global world reality born as the outcome of the industrial capitalism development that generated the second modernity – risk society.

***Keywords:** modernity, reflexive modernization, risk society, return of politics, individualization.*

Об авторе

ТЕСЛЕНКО Олеся Анатольевна – аспирантка каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: teslenko_olesya@mail.ru

Author information

TESLENKO Olesya Anatolyevna – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: teslenko_olesya@mail.ru